

Перед вами художественное произведение. Все описанные в романе имена, персонажи, организации, места и события являются либо плодом воображения автора, либо необходимой частью его вымысла. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Моему любимому биологу

Глава

I

Падавший из окон громадного особняка свет лился на ступени и посыпанную гравием дорожку. Шафран вышла из такси, и облаченный в ливрею лакей проводил ее вверх по лестнице, где служанка приняла ее пальто. На пороге роскошной гостиной, в которой собралось человек двадцать, девушка замерла. Несмотря на пылавший в камине огонь, в просторной комнате было не слишком жарко. Высокие стены обиты зеленым шелком, мебель старинная, фамильная, начищенная до блеска, — все это напоминало Шафран дом бабушки и дедушки, набитый семейными реликвиями, о которых вспоминали разве что служанки, когда приходило время вытирать пыль.

Оглядывая гостей, Шафран почувствовала укол беспокойства — вдруг здесь окажется именно тот человек, встречи с которым ей хотелось бы избежать. Впрочем, бояться нечего — если доктор Беркинг здесь, она услышит его раскатистый голос. Сердясь на себя за малодушие, Шафран расправила плечи: если ей и грозит опасность, то точно не на званом ужине.

Переступив порог, Шафран назвала свое имя дворецкому, который величаво объявил о ее прибытии. Некоторые гости с любопытством посмотрели на новенькую, а пожилой мужчина подошел ее приветствовать. Это был сэр Эдвард Лейстер, хозяин особняка, в котором они все собрались.

Шафран улыбнулась:

— Рада с вами познакомиться, сэр. Прежде всего мы должны благодарить вас за то, что амазонская экспедиция стала возможной.

Сэр Эдвард отмахнулся и, глядя куда-то мимо гости своими бесцветными глазами, ответил:

— Безусловно, я счастлив поделиться своими средствами с Университетским колледжем. — Он сказал это чуть громче, чем следовало, чем сразу же посеял сомнения в искренности своих слов.

На пр авах хозяина дома он повел гостью к сотрудникам университета, с которыми она уже была знакома. Она заметила, что они смотрят на нее с некоторым удивлением — возможно, те, кто ее знал, не ожидали увидеть ее в одежде, не испачканной грязью или пылью. Шафран машинально провела рукой по платью, расшитому бисером. Хотя его васильковый оттенок не мог сравниться с цветом ее синих глаз, блестящий бисер привлекал внимание и, конечно, был ярче всего, что она носила прежде. В ее скромном гардеробе не было предусмотрено нарядов для торжественных случаев, поэтому соседка, с которой Шафран снимала жилье в складчину, одолжила платье у знакомой на работе. По тогдашней моде оно отличалось прямым силуэтом и спускалось ниже колен, оставляя руки обнаженными и подчеркивая стройность девушки. И сама Шафран, и Элизабет — та самая соседка по квартире и лучшая подруга — приложили немало

усилий для того, чтобы завить и уложить темные волосы девушки в стильную прическу, а еще раздобыли шелковые вечерние перчатки, чтобы завершить образ.

Шафран заметила, что на нее серьезно смотрит рослый брюнет. Он подошел и представился:

— Я Александр Эштон. Мы работаем на одном этаже в северном крыле. А вы, как я полагаю, ассистент доктора Максвелла.

Можно было обойтись и без формальностей, потому что на биологическом факультете Университетского колледжа Лондона все друг друга знали. Кроме того, сейчас на кафедре работала всего одна женщина, и это была Шафран, о которой последнее время ходили самые неприятные слухи.

Что касается мистера Эштона, его личность вовсе не была для Шафран загадкой. Она смутно помнила его еще с тех пор, как боролась за свое право находиться в университете, а позже — за право работать, и нельзя сказать, чтобы он ей особенно импонировал. Люди отзывались об Александре Эштоне уважительно: он окончил аспирантуру в два раза быстрее других и путешествовал по миру, исследуя экзотические края. О его нынешних проектах она знала мало, либо потому, что сплетники не интересовались его работой, либо потому, что мистер Эштон не болтал о своих публикациях на каждом углу, как другие.

И вот он стоял перед ней, высокий, в элегантном смокинге и так пристально смотрел на нее, что ей стало не по себе. Темные брови, глаза еще темнее, нос с небольшой горбинкой, очертания рта выдают упрямство, загорелая кожа контрастирует с белоснежной рубашкой, словно он только что вернулся из длительного отпуска.

Волосы от природы вьются, и даже бриолин не может с ними справиться.

— Да, я научный ассистент доктора Максвелла, — ответила Шафран. Мистер Эштон взял ее протянутую ладонь, и она сквозь перчатки ощутила тепло его пальцев. — Шафран Эверли.

Он в недоумении уставился на нее.

— Вас зовут Шафран?

Девушка вздохнула. Распуская о ней слухи, сплетники с кафедры позабыли упомянуть ее имя.

— Ну, это как бы логично, не находите? Я — ботаник, и имя у меня как у растения. Забавно, правда?

Эштон криво улыбнулся.

— Не вижу ничего забавного, — буркнул он.

Не зная, как трактовать его ответ, Шафран провела рукой по платью.

— Ну все-таки Шафран лучше, чем Лютик или Азалия.

— Мне тоже следовало бы изменить имя, чтобы оно отражало сферу моих интересов. Как вам *Бруселла Мелитензис*?* — Он сунул руки в карманы и задумчиво посмотрел на собеседницу. — *Бациллус Сереус*** звучит как-то не очень. Лучше всего, безусловно, *Лейшмания Доновани****. — Он казался совершенно серьезным, но в его голосе звучали саркастические нотки.

— Лейшмания Доновани — идеальный вариант, — одобрила Шафран и выдавила из себя улыбку. — Для кратко-

* *Brucellamelitnesis* (лат.) — вид аэробных грамотрицательных бактерий. Наиболее частый возбудитель бруцеллёза (здесь и далее прим. пер.).

** *Bacillus cereus* (лат.) — вид почвенных бактерий. Вызывает токсикоинфекции у человека.

*** *Leishmaniadonovani* (лат.) — возбудитель висцерального лейшманиоза.

сти вас бы называли Донованом, и никто бы ничего не заподозрил.

— Знаете, раз уж Лейшмания вызывает анемию, а иногда уродливые образования на теле, я вряд ли выберу себе такое имя.

Шафран не знала, рассмеяться ей или рассердиться, но невозмутимость собеседника заинтриговала ее, и она даже расстроилась, когда в зал вошел ее наставник доктор Максвелл со своим другом, доктором Эстером.

Когда они приблизились, мистер Эштон наклонился к ее уху и пробормотал:

— Доктор Эстер*, еще один ботаник с подходящим именем.

То же самое она сказала доктору Эстеру, будучи маленькой девочкой, во время одного из редких визитов с отцом в университет, и ей казалось, что он до сих пор не забыл ее неосторожное замечание. При этом воспоминании Шафран с трудом подавила смех.

Доктор Максвелл и доктор Эстер были ровесниками, то есть одинаково пожилыми, но внешне представляли полную противоположность друг друга. Взлохмаченные волосы и кустистые брови Максвелла придавали ему сходство с добрым дедушкой, в то время как лицо Эстера казалось суровым и напоминало Шафран уже ее собственного дедушку.

— Эверли, — тепло сказал Максвелл, пожав ее руку.

Шафран улыбнулась профессору, но от нее не укрылось, как приподнялись брови мистера Эштона, когда Максвелл назвал ее по фамилии. Ей нравилось, когда он ее так называл; это заставляло ее чувствовать себя одним из сотрудников кафедры, а не какой-то диковинкой.

— Как прошла ваша поездка, профессор?

* Aster (англ.) — астра.

— Хорошо, как обычно, хотя я каждый раз забываю, до чего же утомительно развлекать детей, — дребезжащим голосом ответил собеседник. — Мои внуки почему-то уверены, что у меня столько же энергии, сколько и у них.

Максвелл заговорил с мистером Эштоном, а Шафран повернулась к другому профессору:

— Рада вас видеть, доктор Эстер.

Его серые глаза колюче сверкнули.

— Добрый вечер.

Максвелл усмехнулся.

— Эстер, ты ведь помнишь Александра Эштона. — Упомянутые им джентльмены церемонно пожали друг другу руки. — Эверли, в течение следующих нескольких недель ты будешь работать с мистером Эштоном и следить за тем, чтобы он получал все материалы, которые ему нужны. Он отвечает за проекты по ботанике с тех пор, как Честерфилд вышел на пенсию, чтобы заботиться о больном брате.

Внезапный уход Честерфилда доставил хлопот их небольшой команде, особенно если учесть, что экспедиция была собрана в такой короткий срок. Шафран кивнула и спросила:

— Мистер Эштон, а вы входите в экспедиционную группу?

— Не в этот раз, — последовал ответ. — Ботанические образцы будут собирать Джулиан Эриксон и Мартин Гардинер.

Профессора занялись обсуждением коллекции папоротников доктора Максвелла, а движимая любопытством Шафран продолжила задавать вопросы:

— Полагаю, вы участвовали в других экспедициях. Как же это, наверное, увлекательно — путешествовать повсюду.

— Порой — да.

— Что именно вы изучаете?

— Бактерии.

Не зная, радоваться ей или раздражаться из-за его внезапной сдержанности, Шафран решила уточнить:

— Я уже догадалась. Но какие именно бактерии?

Ей показалось, что она заметила на его лице удивление.

— Я разрабатывал систему быстрой идентификации новых бактерий. Прежде мне приходилось много возиться с почвами, и в итоге мне поручили заниматься флорой, когда распределяли специалистов при подготовке к экспедиции.

Шафран обрадовалась, решив, что разговорила собеседника и заставила его отказаться от немногословной манеры общения, и стала ждать, что еще он скажет. Она приехала сюда пообщаться с коллегами и университетским начальством, но ей хотелось узнать больше о его опыте работы на кафедре.

— Как вы оказались в биологии? Вернее, в микробиологии?

Однако тут гостей позвали к столу, и ее вопрос остался без ответа. Максвелл предложил ей руку и повел во внушительный обеденный зал, где в свете свечей мерцал белый стол, уставленный серебром и фарфором.

Половина мест возле стола была занята университетскими профессорами и научными сотрудниками, некоторые из которых пришли со своими женами. Другую половину занимали представители администрации университета и спонсоры — такие, как сэр Эдвард. Доктор Лоуренс Генри, которому предстояло возглавить экспедицию, сидел во главе стола. Рыжеволосая женщина рядом с ним игриво шлепнула его по руке. Шафран показалось, что незнакомка выставила напоказ слишком много плоти и что черного шелка с золотой вышивкой явно не хватает, чтобы прикрыть ее плечи и грудь. На ее обильно накрашенном лице

светилось льстивое обожание, которое Шафран отлично понимала. Доктор Генри — яркий, блестящий ученый, профессор истории. На его загорелом суровом лице блестели голубые глаза, черный смокинг обтягивал широкие плечи. Если верить университетским слухам, он вызывал восхищение у всех женщин, независимо от их возраста.

Однако одна элегантная дама за столом все же казалась исключением. За ужином она краем глаза наблюдала за доктором Генри и его спутницей. Ее черные волосы обрамляли уже немолодое лицо с пронизательными темными глазами. Ее собеседник, профессиональный эколог, болтал без умолку, не замечая, что его слушательница чем-то озабочена. Заметив испепеляющие взгляды, которые она бросала на женщину в черном и на доктора Генри, Шафран предположила, что пожилая дама — миссис Генри.

Мистер Эштон сидел в дальнем конце стола и разговаривал с серьезным молодым человеком, должно быть, сотрудником университета. Светловолосый и приятный на вид, тот выглядел почти как все в университетском городке.

Мистер Эштон заметил, что Шафран смотрит на него, и улыбнулся ей. Девушка ограничилась сухой улыбкой и отвернулась. По ее опыту, коллег было лучше не поощрять.

Доктор Беркинг, которого она так опасалась, наконец появился, но устроился за дальним концом стола, вне видимости Шафран. Рядом с ней сидел доктор Максвелл, а за ним — леди Агата, жена сэра Эдварда. Они говорили о недавних открытиях, о планах публикаций, обменивались университетскими новостями, и все это заставило ее почти забыть о присутствии Беркинга. Шафран в основном слушала, жадно ловя каждое слово об экспедиции и о том, чем будут заниматься ученые в дальних краях. О поездке было

объявлено всего месяц назад, и у ведомств почти не оставалось времени на подготовку.

Гарри Снайдер, ассистент доктора Генри, сидел по другую руку от нее. Карие глазки за очками в проволочной оправе и тонкие губы, подчеркивающие крупные безупречные зубы, делали его похожим на грызуна. Его манера поведения, пугливая и сдержанная, соответствовала его шириной наружности.

— Мистер Снайдер, вы присоединитесь к доктору Генри в экспедиции? — полюбопытствовала Шафран.

— Да, — ответил Снайдер, не отрывая глаз от тарелки.

— Насколько мне известно, за последние несколько лет доктор Генри посетил и Индию, и Испанию. Вы сопровождали его в тех экспедициях?

Снайдер кивнул — его голова с блестящими набриолированными черными волосами качнулась над тарелкой. Шафран посмотрела на свою тарелку, в которой лежал изысканно нарезанный ростбиф, и машинально подумала, действительно ли процесс еды настолько поглощает или Гарри Снайдер попросту не желает с ней говорить.

— А когда доктор Генри за границей, чем вы занимаетесь? — спросила она.

Снайдер хмуро посмотрел на нее сквозь очки.

— Я ему ассистирую.

Шафран со вздохом взялась за стакан с водой. Увы, по другую руку от нее доктор Максвелл был поглощен беседой с другим профессором, и поневоле она вновь заговорила со Снайдером. Ее не оставляло ощущение, что ей приходится тащить из него ответы, как дантисту — больные зубы из челюсти пациента.

— Как долго члены экспедиции будут отсутствовать? Я слышала, что в полтора месяца они точно не уложатся, скорее месяца в четыре.

Снайдер покосился на доктора Генри, который оживленно общался с накрашенной леди в черном.

— Мы планируем провести в Бразилии пять месяцев. Дорога туда и обратно займет по две недели в один конец.

Уклончивость Снайдера не удовлетворила Шафран, и, вздернув брови и подлаживаясь под его интонации, она спросила:

— Так долго? Что же за работа вам там предстоит?

Он закусил губу и еще раз взглянул на доктора Генри.

— Пять кафедр отправляют своих представителей, а еще будут те, кто планирует собирать образцы самостоятельно.

Шафран поняла, что ей нравится атаковать Снайдера вопросами. Казалось, он считал все эти сведения огромным секретом, а Шафран любила раскрывать тайны.

— А где именно вы планируете побывать в Бразилии?

Этот вопрос, казалось, добил Снайдера. Он вытер рот салфеткой, уставился на свой бокал и пробормотал:

— Я вряд ли могу... э, ну, мне не следует говорить...

Догадавшись, что Шафран так и будет выжидающе смотреть на него широко распахнутыми глазами, он откашлялся и нехотя сознался:

— Мы сосредоточимся на устье реки и на острове Марохо. То есть будем держаться ближе к цивилизации.

— Почему, мистер Снайдер? Вообще-то в этой части света было проведено уже много исследований. Александр фон Гумбольдт прислал из своих путешествий почти пятнадцать тысяч образцов новых видов. И вряд ли он был первым и последним, кто исследовал эти места.

Снайдер был явно задет за живое, и его уклончивость как рукой сняло.

— Не все можно узнать о местности за один раз. Кроме того, если вы имели возможность изучить карту, вы заметили, что Венесуэла находится далеко от Бразилии.

Мысленно призвав себя к сдержанности, Шафран ответила:

— Я имею в виду, что Амазонка, которая течет не только через Бразилию, но и через другие государства, являлась центром исследований на протяжении сотен лет. Доктор Генри знает об исследованиях Перси Фосетта? Его описания затерянного города Z завораживают. Можно подумать, что речь идет о земной Атлантиде.

Снайдер фыркнул.

— Фосетт не настоящий ученый. И все, что он, по его словам, видел, едва ли заслуживает внимания. Собака с двумя носами? Змея длиной с автобус? Все это ерунда. Доктор Генри считает, что существует много информации о *реальной* истории и культуре коренных жителей этого района, и это нам еще предстоит открыть. — Он усмехнулся и добавил: — Те, кто занимается животными и растениями, всегда найдет на что посмотреть.

Снайдер явно не считал ее «тем, кто занимается растениями». Доктор Максвелл повернулся в их сторону и сухо улыбнулся.

— Так оно и есть. Каждый квадратный метр земли там таит в себе тысячи и тысячи организмов. Это самое интересное место на планете. Уверен, доктор Генри найдет там больше, чем рассчитывает.

Шафран заметила, что лицо доктора Максвелла исказилось, когда он произносил последнюю фразу. Его взгляд стал жестким, и доктор поспешно вернулся к ужину.

Снайдер, видимо, решил, что их разговор окончен, и Шафран это устраивало. Истребляя салат, она поглядела на даму, которая, как считала Шафран, была женой доктора Генри, и заметила, что ее взор устремлен на сидящего напротив мужчину, с которым ранее говорил Эштон. Незнакомец со значением улыбнулся миссис Генри. Шафран заметила, что та гораздо старше него — как минимум лет на десять, однако лукавый взгляд, который она послала своему визави, казался почти игривым.

Шафран услышала, что мистер Снайдер говорит, обращаясь к ней, и повернулась к нему.

— Меня всегда безумно удивляет, что кому-то охота участвовать в этих изнурительных поездках, — объявил мистер Снайдер. — Доктору Генри приходится отклонять большинство заявок из-за отсутствия у соискателя опыта в этой сфере. — Он наклонился так близко к Шафран, что она разглядела на стекле его очков отпечаток пальца, неудачно коснувшегося линзы. — Хотя есть и другие соображения. Взять хотя бы доктора Максвелла, который сидит рядом с вами. Доктор Генри сразу отверг его предложение присоединиться к экспедиции. — Снайдер покосился на доктора Максвелла, погруженного в разговор с профессором минералогии.

— Доктор *Максвелл*? — повторила Шафран, стараясь скрыть свое изумление. Доктор Максвелл точно не подавал заявку на участие в экспедиции. Он слишком стар, чтобы плыть по большой реке в жарком климате! Она думала, что он пошутил, когда сказал, что его не отпускает жена.

— О да, — сказал Снайдер, пронзая вилкой салат. — Доктор Генри был удивлен, когда Максвелл заявил, что намерен участвовать в экспедиции, и стал его отговаривать. Однако беднягу огорчило, что они всерьез собираются обойтись без него. — Очевидно, Снайдер понятия не имел, что она ра-

ботала у профессора, о котором он сплетничал. А еще он, оказывается, был не прочь поговорить об экспедиции, если только речь шла не о ее целях. Прежде чем Шафран успела вставить слово, он добавил: — Боюсь, они вдрызг разругались. Доктор Максвелл сказал доктору Генри, что нам очень повезет, если мы вернемся из экспедиции живыми со всеми нашими людьми, ведь в джунглях таится столько опасностей. Повсюду животные и туземцы! Они только того и ждут, как бы незаметно к тебе подкрасться. — Он поежился и умолк, но тотчас же оживился вновь. — Именно поэтому доктор Генри настоял на том, чтобы возглавить команду. Его опыт и навыки обеспечат нашу безопасность.

К счастью, Снайдер умолк и до конца ужина уже не проронил ни слова. Шафран была так смущена, что начисто потеряла аппетит, и остаток трапезы мучительно размышляла, не пожалеет ли она о том, что пришла сюда, забыв на время привычную университетскую жизнь.

В конце ужина Шафран осторожно встала, так, чтобы ни одно из украшений чужого платья не зацепилось за стул, и последовала за дамами в гостиную. В комнате, оформленной в розовых и красных тонах, горел электрический свет, а в камине полыхал огонь, один вид которого заставлял забыть холод этого весеннего вечера. Шафран села возле очага, не собираясь участвовать в разговорах, которые, скорее всего, заведут другие женщины. Когда у ее бабушки собиралось дамское общество, в котором старая леди верховодила, она не забывала мягко, но недвусмысленно напомнить внучке, что ей лучше всего держать рот на замке. Сейчас Шафран видела вокруг дам примерно того же класса, и у нее не было никакого желания общаться с ними. Она уже целую вечность не следила за лондонскими сплет-

нями, решив упорно работать над достижением своей цели — стать ботаником.

К ее удивлению, хозяйка, леди Агата, принесла ей чашку кофе и села рядом с ней, шелестя подолом платья персикового цвета.

— Дорогая, мне сказали, что вы дочь Томаса Эверли. Как же я рада с вами познакомиться! — Она выглядела точь-в-точь как подруги ее бабушки: женщины со вкусом и достатком, которые долго, насколько могли, сохраняли свою красоту, но в конце концов в своих шелках и жемчугах все равно выглядели, как увядшие цветы. — Знаешь, твой отец, профессор, часто составлял нам компанию. Какой он был обаятельный мужчина!

— Вы очень любезны, — ответила Шафран, выдавив из себя улыбку. Она часто слышала такие комментарии, но обычно они исходили от коллег-ученых, знакомых с его работами, а лично она сильно сомневалась, что леди Агата разбиралась в патологии растений.

— А какой джентльмен! Очень жаль, что мы потеряли его раньше времени. Доктор Эверли задавал высоченную планку для всех своих коллег, кто не был воспитан так же. — Леди Агата многозначительно посмотрела на Шафран. — Даже не представляю, до чего может дойти, когда двери престижного учебного заведения, такого как Университетский колледж, становятся открыты для всех.

То, что о смерти ее отца упомянули в таком тоне, и то, что о нем вспомнили с целью унизить других, заставило Шафран вскипеть от негодования.

— Вы имеете в виду тех, кому недостаток воспитания не позволяет по достоинству оценить научные круги? — сладко уточнила Шафран.

Леди Агата на мгновение нахмурилась, но тут же улыбнулась.